

ГЛАВА 2

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОНОМАСТИКИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Ономастика — наука об именах собственных всех типов, о закономерностях их развития и функционирования, лингвистическая в своей основе, включает исторический, географический, этнографический, культурологический и социологический компоненты, помогающие выявлять специфику именуемых объектов и традиции, связанные с их названиями, что выводит ономастику за рамки собственно лингвистики и делает автономной дисциплиной, отражающей культурно-историческое наследие общества.

Имена собственные живо реагируют на происходящие в обществе изменения, поэтому они могут служить хронологизаторами текстов, а также исторических и археологических памятников. В силу особой консервативности имен собственных они переживают эпоху, в которой были созданы, сохраняя свидетельства более древнего состояния языка, и представляют собой информационное поле, интерпретацию которого можно осуществлять лингвистическими методами. Аспекты ономастических исследований многообразны: *описательная* ономастика, составляющая объективный фундамент общепилологических исследований, дающая лингвистическую интерпретацию собранного материала; *теоретическая* ономастика, изучающая общие закономерности развития и функционирования ономастических систем; прикладная ономастика, связанная с теорией номинации, с функцио-

нированием имен в живой речи, *историческая* ономастика, изучающая историю появления имен, и их отражение в именах реалий разных эпох; *этническая* ономастика, изучающая возникновение названий народов в связи с историей их развития.

Цель данной главы — показать целесообразность изучения ономастики с когнитивных позиций и предложить в качестве общего когнитивного основания творческого потенциала наличие в сознании человека универсальных и этноспецифических когниций, а также ответить на вопрос о том, как лингвокреативный потенциал, изначально заложенный в акте словообразования, проявляется в ономастике. Современная ономастика — это комплексная научная лингвистическая дисциплина, обладающая своим кругом проблем и методов.

Ономасиологический подход к рассмотрению словообразования в последние годы приобрел особое значение: сместился акцент от формообразования имен предметов к исследованию процессов номинации в целом, и «в фокусе должного внимания оказалась вся номинативная деятельность как процесс рождения имени» [Кубрякова 2012: 13].

Творческие основы номинации, связанные с понятием концептуальной интеграции, предложенной в работах Ж. Фоконье, получили дальнейшее развитие в отечественном языкознании [Fauconnier 1999: 97]. В теоретических исследованиях по концептуальной интеграции Н. Н. Болдырева и В. З. Демьянкова многие языковые явления объясняются процессами образования сложных когнитивных структур (ментальных пространств) из более простых мыслительных сущностей [Болдырев 2013].

Процесс номинации — сложный процесс вербализации мыслительного процесса, направленного на освоение действительности с целью выявления общих и отличительных признаков. Следовательно, номинативный признак символизирует связь экстралингвистического (предмета, явления), лингвистического (звуковой последовательности) и логического (наших представлений о данном предмете) [Кубрякова 2012: 13].

Мотивированность вербального знака является одним из центральных понятий в теории номинации. В ономасиологии это явление

представляется как результат процесса создания онима на основе мотивировочного признака. Следовательно, мотивированность рассматривается как акт закрепления признаков объекта различными языковыми средствами. Следует учитывать семантическую и морфологическую мотивированность. В первом случае реальный признак объекта реализуется лексическим значением слова, во втором — образование онима происходит по структурно-морфологической модели, которая способствует формированию наиболее точного образа объекта. Благодаря морфологической мотивировке (когда известны составляющие компоненты: корни, приставки, суффиксы) не составляет труда определить значение слова. Однако в процессе употребления имен мотивы номинации утрачиваются и в речевой практике оним часто становится номинативным дифференцирующим знаком, а вся его доономасиологическая информативность оказывается избыточной и забывается. Подобный процесс имеет место при заимствовании иностранных имен, когда приобретенные названия обрастают новой этимологией, удобной для носителей языка. Например, топоним *Goodwood* — название известного ипподрома, ассоциируется с лесным массивом *wood*. В действительности в основе данного онима лежит имя собственное английской леди *Godiva*, которое происходит от *Godgifu's* (собственность леди Годива). Название рыбацкого городка *Golspie* происходит от скандинавского имени *Gold's + pie (E) ← by (ON)* (ферма — собственность Голдов). Когнитивная направленность исследования позволяет рассматривать номинацию исходя из ментальных процессов восприятия и оценки, сопровождающих возникновение в языке новых гибридных единиц [Хвесько 2007].

Описание когнитивных механизмов, определяющих творческую деятельность человека в славянской ономастике, способствует проявлению лингвокреативности в виде таких морфологических процессов, как стяжение, усечение, редукция и гибридизация. Результатом редукции в русской топонимике являются названия: *Семивраги*, *Пречистенка*, *Суходол*, *Сивцев Вражек*, *Холмогоры*, *Китай-город*, *Слав-город*, *Спас-заулки*, *Замостье*, *Новгород*; процессы адаптации наблюдаем в чередовании формант: *Пинега*, *Онега*, *Ладога*, *Ветлуга*, *Свияга*, *Волга*,

Вычегда, Вологда, Нерехта, Ока, Вятка, Тьмака. Е. М. Поспелов отмечает, что чередование — *га/ка/гда (вода)* распространено в северных регионах России. Для средней полосы характерно чередование *ва/ма*: *Нева, Сосьва, Нарва, Прошва, Кама, Ижма, Чухлома, Кострома, Богульма, Клязьма.* По всей России распространены гибриды: *Белозеро, Чурозеро, Ондомозеро, Ловозеро, Сямозеро, Юстозеро, Оренбург, Хаврагорье.* Наряду с явно славянскими топонимами: *Быстрица, Каменка, Десна, Ольховка, Печора, Рудня, Пресня, Ряса* встречаются топонимы с неясной этимологией: *Иртыш, Истра, Чусовая, Тобол, Урал* [Поспелов 2008: 303].

В основе креативной деятельности топонимообразования лежит ментальная способность человека творчески использовать свои знания, привлекая старые и порождая новые образы по аналогии с известными. Процесс гибридизации применительно к топонимам сводится к тому, что употребляемые в ходе реального общения языковые выражения способствуют созданию новых подвижных и гибких моделей, объединяющих ментальные репрезентации и языковые структуры [Ирисханова 2004].

Представление о порождении топонимов как акте номинации, отражающем творческое осмысление мира человеком позволяет представить понятие гибридизации как особую разновидность концептуальной интеграции. Концептуальная интеграция рассматривается в работе в качестве единого когнитивного основания для лингвокреативных свойств топонимов. Именно благодаря топонимии удалось установить факт значительной гибридизации географических названий в результате неоднократных вековых наслоений и переслоек финского, древнелитовского, восточнославянского и татарского населения. Когнитивная суть исконно русских по происхождению топонимов, распространенных на территории России — *Новгород, Владимир* — понятна для русских, а гибридное название *Оренбург*, данное русской крепости на реке *Орь* в 1735 г., включает тюркское по происхождению название реки *Орь* (ров), освоенное русскими, и немецкое слово *бург* (город) [Поспелов 2008].

Антропонимы обладают не только номинативным единичным значением, но и имеют общую соотнесенность с понятием «человек». По

мнению Майкла Коула, когнитивная антропология должна представлять систему концептов, которые выражают содержание культурного познания. Архаичное, языческое отношение к имени сохранено в некоторых культурах (передача имен по наследству, имена-обереги): Уаукулуила чауипы (Оберег от сглаза), Иа улиябу (Защита от злых духов) и т. д. сохранились в Ангольском именнике. Подобная тенденция в имяназвании отмечена у народностей Севера и Дальнего Востока. Однако современное поколение предпочитает нарекать своих детей европейскими именами, что является особым социальным знаком человека, так как презентует его в определенной значимой социальной сфере [Жозе 2011: 118].

Культура считается, с одной стороны, частью окружающей среды, а с другой — механизмом организации нашего познания. Посредством культурно-организованного познания мы получаем информацию о внешнем мире. Когниция, с точки зрения М. Коула, может быть описана как взаимодействие нашего сознания с внешним миром [Cole 2007].

Именно общее значение имен собственных, помимо единичного номинативного, а также его потенциальные характеристики позволяют онимам участвовать в метафоризации, которая является важнейшим механизмом языковой когниции. Метафора предстает как наиболее продуктивный способ, что объясняется особенностью человеческого мышления — способностью усматривать сходства между элементами воспринимаемой действительности [Зализняк 2001]. Источником метафорических переносов являются в основном имена, фамилии, прозвища и клички популярных людей, литературных персонажей, их характерные черты, манера поведения которых отражается в значении данного производного слова, например:

— **Charlie** — применяется с презрением к белым людям-угнетателям, впоследствии к любому белому человеку (1964). *Guardian* (1967): *Stokely Carmichael was there promising 'Mr. Charlie's' doomsday.*

— **Tom** — зависимый человек, раб негроидной расы. *Publishers Weekly* (1975): *By installing 'American Nigger Toms' as The Third World elite, the US has controlled the angry hunger of the poor populace.*

— **Flash Harry** — хвастливый, показной человек. *Times* (1962): *her flash-Harry boy-friend.*

— **Jack the Lad** — негодяй, мерзавец (вероятно прозвище Jack Sheppard — знаменитого вора XVIII в.). **Interview** (1991): *The East End urchin Tony, later a Jack-the-lad and Jack-of-all-trades*.

— **Murphy's law** — то, что зависит от случая (вероятно от высказывания Captain E. Murphy of the Wright Field Aircraft Laboratory в 1949). **New York Times Magazine** (1974): *'If anything can go wrong, it will'*.

— **Murphy game, Murphy** — мошенничество, злоупотребление доверием, в котором жертва обманута путем невыполненного обещания денег; происходит от фамилии Murphy. **New York Times** (1966): *Everybody should have a car... How are you going to get it? ... You know, you can get it playing the Murphy* [ONS].

Существует несколько видов метафорического переноса, в результате которого имя собственное переходит в класс нарицательного, например: имя портного (Макинтош) — вещь (макинтош — плащ), имя изобретателя (Ампер, Кулон) — единица измерения (ампер, кулон) и др. Помимо имен нарицательных, образованных от антропонимов, существуют также имена нарицательные, образованные от топонимов, например: название места (Бордо) — вещь (бордо в значении «вино»), название местности (Камчатка) — место (камчатка — отдаленное место), название местности (Панама) — действие (панама — обман). Речь идет о концептуальной интеграции в следующих примерах:

— **jane** (1906) Orig. US — молодая женщина, иногда подруга; происходит от женского имени Jane. **Erle Stanley Gardner**: *'Who was this jane? Anybody I know?' 'No one you know... She had been a nurse in San Francisco'* (1967).

— **jack** (1899) — полицейский офицер, детектив. **John Wainwright**: *These county coppers... couldn't get their minds unhooked from the words 'New Scotland Yard' — as if every jack in the Metropolitan Police District worked from there* (1971).

— **tommy-rot** (1884) — абсурд, бессмыслица; от мужского имени Tommy. **Nicholas Blake**: *You know what the other side says — ... 'Woman's place is in the kitchen' — all the rest of that Neanderthal tommy-rot* (1988).

— **Paddy, paddy** (1780) — ирландцы; часто используется как прозвище; уничижительное; происходит от обычного ирландского

мужского имени *Padraig Patrick. Bernard Shaw: Paddy yourself! How dare you call me Paddy?*

В работе «Разум (mind as body) как результат межкультурной концептуальной метафоры» автор проводит сопоставительное исследование глаголов зрительного восприятия в разных языках, которые в зависимости от контекста могут выражать и значение интеллектуальной деятельности (понимать), и социального этикета (*see you later*), и эмоционального состояния уверенности и предвкушения/догадки. Автор подчеркивает, что личный опыт и эмоциональное состояние не изолированы, а являются частями системы, которую Дж. Лакофф и М. Джонсон называют концептуальной метафорой. Примером концептуальной метафоры могут служить такие сочетания, как *горькое* разочарование или *сладкая* ложь, *горечь* и *сладость* которых мы не ощущаем физически. В прозвищах-антропонимах *дубина*, *болван*, *дуботряс*, *дуболом* метафора дуб породила множество экспрессивно-эмоциональных оценочных слов. Метафорический перенос наименований растение/человек имеет глубокую «корневую систему», уходящую к древним верованиям и обрядовым традициям народов. Такой способ образования эмоционально-оценочной лексики, как метафорический перенос, является универсальным для многих языков. Система индоевропейских онимов складывалась на протяжении многих столетий и своими корнями уходит в далекое прошлое. Она тесно связана с историей страны, народа и языка. Ценные сведения об английском антропонимиконе на рубеже древнеанглийского и среднеанглийского периодов развития английского языка, о прозвищах крупных и мелких землевладельцев, должностных лиц графств, представителей духовенства и других слоев населения отражены в сводах законов и грамот, в судебных архивах, в монастырских книгах записей [САФ]. Прозвища записывались рядом с личными именами и указывали место жительства или рождения именуемых лиц, место их земельных владений или угодий, родственные отношения и род занятий, сравните:

1. Оттопонимные прозвища, где указаны названия графств, провинций, городов, деревень, земельных угодий, лесных участков, полей,

например: Richard de Cestersir (1212) CHESHIRE; Hugo de Montgomeri (1086) MONTGOMERIE; Rogerus de Berchelai (1086) BERKELEY, BERKLEY.

2. Отантропонимные прозвища, образованные от личных имен с терминами родства: сын, дочь, брат, сестра, внук и др. В документах XI-XIV вв. наряду с древнеанглийским термином родства *sunu* (сын) встречается старофранцузский *fitz*, гаэльский *mac*, например: Aelfic Aelfwines sunu (2-я половина X в.), Richard le Fitz Joan (1327) Fitzwilliam, Williamson, MacDonalds. MacKormic.

3. Прозвища-эпитеты, образованные от имен нарицательных, не входящих в топонимическую и антропонимическую лексику: борода, боров, козел, жаворонок, дятел, кузнец, барон, смелый, дикий и др., например: Alwine bierd (1148) BEARD; Robert le Bor (1287) BOAR; Geoffrey le Barun (1236), John Baron (1296) BARON, BARRON; Uluricus Wilde (1086), Henry le Wylde (1236) WILD. В составе прозвищ-эпитетов по лексическому значению исходных форм можно выделить прозвища, указывающие на внешний вид человека: Henry Bigge (1177) — большой, Thomas Blac (1198) — черный, John le Brade (1212) — широкий, Geoffrey Bunch (1195) — горбатый, Hugh Crees (1316) — изящный, Richard Fatt (1260) — жирный, William Short (1327) — короткий, COPPER NOSE — с красным носом и др.; прозвища, указывающие на род деятельности, профессию именуемых: William le Bakere (1177) — пекарь, Robert le Carpenter (1212) — плотник, столяр, William the Floutere (1268) — флейтист, Humphery le Hunte (1203) — охотник, Richard le Scrivien (1208-13) — переписчик. Постепенно прозвища феодальных лордов, баронов, рыцарей, переходя от отца к старшему сыну, становились наследуемыми антропонимами.

Новая отрасль на стыке дисциплин — **КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА** — появилась относительно недавно. Термин «когнитивная наука» (англ. cognitive science) был введен несколько десятилетий тому назад, чтобы обозначить определенный круг научных дисциплин, объединившихся для совместного изучения процессов, связанных с получением и обработкой, хранением и использованием, организацией и накоплением структур знания, а также с формированием этих структур в ментальной сфере человека [Рахилина 2000].

Лингвокогнитивный подход нацелен на выявление универсального и уникального с опорой на культурологическую обусловленность возникновения и функционирования онимов. Базовым понятием лингвокультурологии является концепт, заключающий в себе культурные установки, по-разному проявляющиеся у носителей разных культур, что может быть выявлено в ходе анализа языковых средств. Языковая когниция непосредственно связана с конкретным языком, поскольку именно язык формирует картину мира [Демьянков 1994: 33].

Настоящий этап развития гуманитарных наук характеризуется когнитивным описанием объективной действительности, где наиболее дискуссионными понятиями являются когниция и ментальность. Когнитивный подход к языку — это убеждение, что языковая форма является отражением структур человеческого сознания, мышления и познания.

«Ментальность «находится» глубже мышления, норм поведения, сферы чувств. Она не структурирована и представляет собой некую предрасположенность, внутреннюю готовность человека действовать определенным образом...» [Хроленко 2001: 29].

В свое время Н. Хомский писал: «когнитивная революция проявляет заинтересованность в состояниях разума/мозга и в том, как они проявляются в поведении человека, особенно в его когнитивных состояниях: знания, понимания, интерпретации, веры и т. п. Подход к человеческому мышлению и деятельности в этих терминах делает психологию и такую ее составляющую, как лингвистика, частью естественных наук, занимающихся сущностью человека и ее проявлениями, а главное, мозгом». «Но ведь сам вопрос о представлении знаний в голове человека, об их репрезентации, а также положение о том, что совокупность подобных представлений формирует разум и интеллект человека, — это центральные вопросы для всей когнитивной лингвистики» [Кубрякова 2012: 17].

Основным тезисом авторов когнитивных теорий является убеждение, что поведение индивида направляют знания, представления, мнения о происходящем во внешнем мире, о причинах и следствиях. Знание не является простой совокупностью сведений. Представле-

ния человека о мире также программируют, проектируют языковое поведение. И то, что человек говорит и как он это делает, зависит в конечном итоге не только от его фиксированных потребностей, глубинных и извечных стремлений, но и от изменчивых представлений о реальности.

Е. С. Кубрякова определяет когницию как познавательный процесс или совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов — восприятия, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации. Включает осознание и оценку самого себя в окружающем мире и построение особой картины мира — все то, что составляет основу для поведения человека. Когниция — все процессы, в ходе которых сенсорные данные трансформируются, поступая в мозг, и преобразуются в виде ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т. п.), чтобы удерживаться при необходимости в памяти человека [КСК].

По мнению В. З. Демьянкова, *когниция* не является иноязычным вариантом термина *познание*, а скорее представляет собой процедуру получения и использования «предзнаний» (в том числе и обыденного «со-знания») — разновидности мыслительных операций, обслуживающих и сопровождающих восприятие (в частности, обработку) и продуцирование как знаний, так и языковых выражений для этих знаний [Демьянков 2001]. Познание в широком смысле слова складывается из двух компонентов: познания интуитивного, или когниции, и познания рассудочного, или познания в узком смысле слова. Таким образом, *когниция* и *концепт* лежат в сфере интуитивного «предпознания», а познание (в узком смысле) и понятие — в сфере рассудочной, или «дискурсивной». М. Хэлидей, разграничивая когницию и ментальность, отмечает: “we are saying that cognition “is” (that is, can most profitably be modelled as not thinking but meaning: the “mental” map is in fact a semiotic map, and “cognition” is just a way of talking about language” [Halliday, Matthiessen 1999].

Хранилище конкретных знаний «пристегивается» к универсальному и конечному (в любой конкретный момент, но потенциально не

ограниченному) набору когнитивных стратегий, обладающих скорее интерпретирующей, чем продуцирующей функцией. В своей когнитивной функции язык в минимальной степени зависит от грамматической структуры, потому что определение нашего опыта находится в дополнительном отношении к металингвистическим операциям: когнитивный уровень языка не только допускает, но и прямо требует интерпретации-перекодировки [Cattel 2006].

Человеческий опыт использования универсальных когнитивных стратегий приводит к накоплению «объективных» знаний и «оптимизирующих стратегий», т. е. можно предположить, что универсальные стратегии встроены в человеческий мозг, заданы самой его биологической структурой и аналогичны электронным схемам в составе компьютера. Объективные же знания и оптимизирующие стратегии представляют собой нечто вроде самонакапливающегося программного обеспечения [Cattel 2006]. Если бы не было универсальных стратегий (т. е. «когнитивно непроницаемых процессов»), то иллюзии восприятия не были бы однотипными у разных людей. С другой стороны, если бы когнитивная система была полностью непроницаемой, т. е. неспособной к усвоению новых когниций (в частности, новых стратегий интерпретирования), то не смогла бы адаптироваться к окружению. Следует подчеркнуть, что универсальные ментальные процессы лежат в основе как необычной, яркой, так и каждодневной, обыденной продуктивной деятельности [Fausconnier, Turner 1998: 133]. Универсальные (не зависящие от конкретного языка) и неуниверсальные когнитивные процессы используются людьми при восприятии действительности, т. е. имеются «переменные когниции», варьирующиеся от языка к языку; например, сведения о морфемах, о синтаксических конструкциях, о фонологических противопоставлениях, даже о категориях, прототипах и семантемах, а также «универсальные стратегии использования этих «знаний» (а точнее, «когниций») при продуцировании и интерпретации сообщений на конкретном языке.

По мнению Дж. Лакоффа, набор универсальных моделей ментальных репрезентаций ограничен и может быть сведен к следующим: восприятие, оценочное состояние, действие и воздействие. “In

1997, this hypothesis was confirmed in child language acquisition research by Christopher Johnson. In a study of the acquisition of the Knowing Is Seeing metaphor, Johnson found that children first learn literal *see* as in *See doggie* and *See Daddy*. Then they learn cases which he referred to as “conflations”, where the domains of seeing and knowing are co-active, that is, where both are at issue, as in sentences like: *See Daddy come in. See what I spilled*. Finally, children learn pure metaphorical cases like *See what I mean*. Johnson has argued that metaphor arises from such conflation, or neural coactivation, in everyday experience of the source and target domains of the metaphor. The cases he looked at occurred before the age of three” [Lakoff 2001: 19].

Психология и когнитивная лингвистика, будучи разными отраслями науки, в которых исследуются разные явления действительности, характеризуются своими понятийными или категориальными системами. Вместе с тем интересы когнитивных лингвистов и психологов во многом пересекаются. И тех и других интересует, как человек познает действительность, как особенности действительности отражаются в психике и сознании человека, а также в языке, которым он пользуется. Соответственно, пересекаются и используемые ими понятийные системы. Сущность и функции языка, соотношения языка и мышления, природа речемыслительных процессов — это то, что в первую очередь подлежит исследованию в когнитивной лингвистике. Определение сущности мышления и сознания как особых форм и разных уровней психического отражения действительности составляет одну из основных задач психологии. Разногласия между психологами и лингвистами по поводу соотношения ментальных репрезентаций и языковых структур остаются: “psycholinguistic evidence does not necessarily provide direct insights into how people ordinarily represent linguistic structures and meanings. Both cognitive psychologists and linguists often mistakenly assume that the empirical evidence obtained from psychological experiments transparently reflects the nature of linguistic and conceptual representations” [Lakoff 2001].

Изначальная установка на социальную детерминацию мыслительных процессов, под которыми фактически понимались процессы

речемыслительные, побудила Л. М. Веккера предпринять попытку найти особые («переходные») формы психических процессов, обеспечивающих переход от образа к мысли, от сенсорно-перцептивных процессов к речемыслительным [Веккер 2000: 37]. Образование связи между образом и словом, которое обеспечивается процессами мышления, происходит лишь в психике человека, поскольку способность к словообразованию присуща только человеку в связи с наличием у него сознания и процессов осознания. Как показано в работах А. Н. Леонтьева, именно с возникновением сознания происходит порождение слова, как «обозначающего отражения». Образ обозначается словом (отражается в слове) с тем, чтобы в процессе общения с помощью речи можно было передать содержание этого образа другому человеку [Леонтьев 1975].

В результате процессов мышления субъект получает знания о связях и отношениях между объектами и их свойствами. Все эти знания представлены в психике субъекта в форме особых психических образований, называемых психическими образами. Как отмечал С. Л. Рубинштейн, «...психические образования не существуют сами по себе вне соответствующего психического процесса. Всякое психическое образование (чувственный образ вещи, чувство и т. д.) — это, по существу, психический процесс в его результативном выражении» [Рубинштейн 2001: 36]. Можно также сказать, что любой образ, возникающий в психике субъекта, является результатом определенного психического процесса и представляет собой особую форму знания субъекта о тех объектах действительности и их особенностях, которые отражаются в этом образе. В. И. Гинецинский определяет мышление как «процесс отражения связей и отношений, недоступных непосредственному чувственному восприятию, сопровождающийся переживанием чувства понятности (понимания) ситуации» [Гинецинский 1997: 178]. Понять — означает добиться понимания, а понимание — есть установление связи между знаниями. Поскольку в процессе мышления образуются связи между образами, мышление всегда является образным. Однако в психике человека, обладающего сознанием, имеются особые типы образов — образы слов с их семантическим

значением, возникновение которых связано с появлением сознания, и образ самого человека как носителя психики, возникновение которого является прямым результатом сознания. Сознание в данном случае определяется не просто как высший уровень развития психики, но и как особый, более сложный, чем мышление, познавательный психический процесс [Корниенко 2010].

Наличие сознания обеспечивает появление образа «Я». Далее за счет процессов мышления происходит образование связей образа «Я» с другими образами, имеющимися в психике, и появление осознания. При этом совокупность образов, связанных с образом «Я», образует область «сознательного», а совокупность образов, не связанных с образом «эго», составляет область «бессознательного» или «неосознаваемого».

Взаимосвязь речи с мышлением отражает две функции языка, которые рассматриваются в современной когнитивной лингвистике — коммуникативная, связанная с участием языка в процессах общения и взаимного обмена субъектами общения имеющимися у них знаниями, и когнитивная, связанная с отношением к языку не только как средству общения, но как средству познания, с помощью которого человек может получать новые знания.

Не всегда мысли обрастают словами. Поскольку образы слов — это особые образы в психике человека, то процессы мышления, обеспечивающие оперирование словами и образование между ними определенных связей, называются в психологии процессами вербального мышления. В результате вербального мышления в психике человека образуются особые мысли, состоящие из образов слов, которые можно назвать вербализованными мыслями, получившими языковое оформление. Наличие у человека двух видов мышления — образного и вербального — и, соответственно, двух видов мысли — образной и вербализованной, позволяет сделать вывод, что утверждение о неразрывной связи мышления и слова справедливо лишь для вербального мышления, присущего человеку. В когнитивной лингвистике первичные образы и результаты образного мышления соотносятся с понятием «ментальные репрезентации», а их языковые оформления — с понятием «языковые репрезентации» [Кубрякова, Демьянков 2007].

Совокупность знаний, которая представляет собой содержание мысли как целостного образования, передается в речи в форме последовательности слов. На наличие такого соотношения между мыслью и речью указывал Л. С. Выготский. При изменении порядка воспроизведения слов будет изменяться стиль изложения мысли, но основное содержание мысли сохранится: чувственный образ слова соотносится с образом обозначаемого словом объекта или явления действительности. Включаясь в систему смысловых семантических связей, слово начинает выступать для человека как средство вербального выражения мысли. В связи с этим использование человеком слов и речи в процессе вербального общения с целью передачи своих знаний другому человеку можно рассматривать как объяснение. Язык и речь выступают, таким образом, не только как средство общения, в котором реализуется их коммуникативная функция, но и как средство объяснения, в котором реализуется их когнитивная функция [Выготский 1999: 331].

Социальная функция языка часто рассматривается в сочетании с понятием «ментальность». С точки зрения В. Жидкова, коллективные представления передаются из поколения в поколение, т. е. становятся продуктом не рассуждения, а веры [Жидков и др. 2001]. По мнению авторов, мыслительные привычки и установки, навыки восприятия и эмоциональной жизни наследуются людьми от прошлых поколений без ясного осознания. Ментальность мыслится не как биологически укорененная константа поведения, а как исторически складывающаяся структура, определяющая мысли, чувства, поведение людей, их ценности и «жесты», т. е. ментальность — устойчивая настроенность внутреннего мира людей, сплачивающая их в социально обусловленные исторические общности; совокупность сознательных и бессознательных установок и предрасположенностей индивидов, социальных общностей к определенному типу ценностей, мышления и действия. Ж. Лефевр показал, что за привычной идеолого-политической «событийной» историей скрывается ее глубинный источник, в котором переплетаются психологические и социальные моменты: подчиненная особым закономерностям ди-

намика коллективной ментальности. Для Ж. Лефевра коллективная и индивидуальная ментальность представляют собой биологически обусловленные константы [Lefevre 1988].

Совокупность привычного образа мыслей, верований, психических и нравственных предрасположенностей характерны для коллектива и присущи каждому его члену (*менталитет среды, эпохи, архаический менталитет*). Как считает И. А. Стернин, менталитет — понятие, характеризующее не только нацию в целом, но и различные социальные группы людей. В связи с этим менталитет определяется ими как «*специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной группы людей*» [Стернин и др. 2003: 26]. Описание веры, суеверий, религии, магии недостаточно представлено в научной литературе, за исключением отдельных работ по фольклору малых народностей, где функции сказок определяются в виде компонента обряда и заклинания. Автор отмечает, что в диалектах остяцкого языка еще и сейчас встречаются устаревшие корни *jet* и *pes*, которые, вероятно, обозначают неприкосновенность существа, т. е. «святость» его по отношению к другим существам или вещам; следовательно, это является приблизительно тем, что в религиозной литературе обозначают обычно словом *табу*. Сакральные знания в хантыйском традиционном обществе являются неотъемлемой частью религиозных представлений [Лапина 2010: 17].

Существует ли взаимосвязь между понятиями «ментальность» и «картина мира»? Ученые предполагают, что ментальность — это отнюдь не философское, научное или эстетическое понятие, ментальность не идентична идеологии, поскольку остается чаще всего рационально не выявленной. Она находится на том уровне сознания, на котором мысль не отделена от эмоций, подсознательных стереотипов и шаблонов. Ментальность обладает такими свойствами, как большая устойчивость и относительная изменчивость [Жидков, Соколов 2001]. Историки понимают под менталитетом «*весь тот комплекс основных представлений о мире, при посредстве которых человеческое сознание в каждую данную эпоху перерабатывает в упорядоченную «картину*

мира» хаотичный и разнородный поток восприятий и впечатлений», т. е. понятия «картина мира» и «ментальность» тождественны. Действительно, мироощущение и мировосприятие людей данного общества, их верования, навыки мышления, социальные и этические ценности, отношение к природе, переживание времени и восприятие пространства, представление о смерти и загробном мире в каждую эпоху взаимно связаны и образуют некую целостность [Гуревич 1993: 17].

Таким образом, совместные усилия психологов, социологов и когнитивных лингвистов, направленные на уточнение и согласование используемых ими понятий, способствуют более глубокой интеграции психологии и когнитивной лингвистики в исследовании процессов, обеспечивающих получение знаний о мире и о том, как этот мир отражен в психике человека в виде ментальных репрезентаций, а также процессов вербализации этих ментальных репрезентаций посредством языковых структур.

Представление топонимов в когнитивном контексте обусловлено необходимостью пересмотреть существующие взгляды с новых теоретических позиций. Назрела необходимость комплексного подхода к решению целого ряда актуальных проблем современной лингвистики — языкового творчества, языковой номинации, концептуализации объективной действительности и концептуальной интеграции. Когнитивная наука как наука о процессах познания, о результатах восприятия мира и ментальной деятельности людей способствует пониманию социокультурной интерпретации топонимов. Понятие гибридизации как особой разновидности процессов концептуальной интеграции означает не столько объединение сложившихся концептуальных структур из разных областей знания, сколько совмещение в концепте разных категориальных начал. Концептуальная интеграция рассматривается в качестве когнитивного основания для лингвокреативных свойств процесса онимообразования.

Проведенное исследование явилось подтверждением того, что метафора и метонимия являются основным способом интерпретации новых знаний. Опираясь на положения когнитивной лингвистики,

можно сказать, что в языке существуют универсальные «ментальные модели» формирования вторичных значений, для которых характерно относительное постоянство и продуктивность. Метафора и метонимия представляют собой мощное средство концептуализации ментальных схем и используются посредством языка как способ структурирования человеческого мышления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырев Н. Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка: сб. науч. тр. Вып. XV: Механизмы языковой когниции. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 12-21.
2. Болдырев Н. Н. Оценочная метарепрезентация: проблемы изучения и описания // Когнитивные исследования языка: сб. науч. тр. Вып. V: Исследование познавательных процессов в языке. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 43-51.
3. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл: Per Se, 2000. 685 с.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
5. Гинецинский В. И. Пропедевтический курс общей психологии: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 200 с.
6. Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Наука, 1993.
7. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-33.
8. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35-47.
9. Жидков В. С., Соколов К. Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб.: Алетейя, 2001. 640 с.
10. Жозе К. О. Имянаречение в современном сознании ангольцев // Вестник Университета Российской академии образования. 2011. № 2. С. 118-120.
11. Зализняк А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13-25.

12. Ирисханова О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. С. 270-277.
13. Корниенко А. Ф. Понятие о сознании как высшем уровне развития психики // Сибирский психологический журнал. 2010. № 36. С. 20-26.
14. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 203 с.
15. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. М.: Ин-т языкознания; Тамбов; Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2007. Вып. IV. С. 8-16.
16. Лапина М. А. Сакральная лексика в фольклоре хантов // Вестник Югорского гос. ун-та. 2010. Вып. 2. С. 17-20.
17. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
18. Поспелов Е. М. Географические названия России: топонимический словарь. М.: Астрель, 2008. С. 303-407.
19. Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2000. Т. 59, № 3. С. 3-15.
20. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2001. 720 с.
21. Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки, 2003. С. 23-24.
22. Хвесько Т. В. Дихотомия *апеллятив онома* в языке и речи (на материале русского и английского языков): монография. Тюмень: Сити-пресс, 2007. 192 с.
23. Хроленко А. Т. Русская ментальность в фольклорном лексиконе // Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах: материалы науч. конф. Петрозаводск: ПетрГУ, 2001. С. 29.
24. Cattell R. An Introduction to Mind, Consciousness and Language. London, 2006. 226 p.
25. Cole M. Phylogeny and Cultural History in Ontogeny // Journal of Physiology-Paris 101, 2007. Pp. 236-246.
26. Fauconnier G. Methods and Generalizations // Cognitive Linguistics, Foundations, Scope and Blending. Berlin; New York, 1999. Pp. 95-124.
27. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science, 1998. Vol. 22(2). Pp. 133-187.

28. Halliday M., Matthiessen Ch. Construing experience through meaning: A language-based approach to cognition. London; New York: Cassell, 1999.
29. Hutchins E. Cognition in the wild. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
30. Lakoff G. How the Science of Mind Changes Our Understanding of the World / Embodied Mind, Embodied Philosophy. The Gifford Lectures. University of Glasgow, 2001. Pp. 3-20.
31. Lefevre G. La Grande peur de 1789. Suive de «Les foules révolutionnaires». 1988.

СЛОВАРИ

1. ONC — The Oxford Names Companion by P. Hanks, F. Hodges, A. D. Mills, A. Room. Oxford University Press, 2002.
2. КСК — Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Наука, 1997.
3. САФ — Словарь английских фамилий / сост. А. И. Рыбакин. М.: Астрель, 2000.